

Н. И. Фатиев²

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЕГО ПРЕДЕЛЫ

Само понятие «диалог культур» содержит скрытую полемичность по отношению к словосочетанию «конфликт цивилизаций», введенному в научный обиход С. Хантингтоном. Детский вопрос: какого рода дизъюнкция здесь уместна — строгая или нестрогая, только кажется элементарным.

«Когда грохочут пушки, музы молчат». Означает ли это то, что столкновение цивилизаций исключает диалог культур? А как быть с крестовыми походами, одним из побочных результатов которых было знакомство европейцев с неизвестными им ранее работами античных философов? Имеются и другие факты подобного рода, доказывающие, что даже пресловутая холодная война не являлась препятствием для диалога культур. Но тогда в каком смысле можно говорить о пределах культурного диалога, раз он способен идти даже в весьма некультурном контексте? Уместно вспомнить высказывание шолоховского героя Макара Нагульнова, который объясняет, почему его надо взять на диспут о существовании Бога. «Оно, конечно, может, и не такой уж сильный я оратор, но зато, брат, кулак у меня при случае на любую дискуссию годный! Как разок припечатаю, так мой супротивник и возражать мне не сможет, потому что возражать хорошо стоя, а лежа — какие у него могут быть возражения? Лежачие возражения во внимание не принимаются!»³

О чем разговор? О возможности общения на невербальном уровне, как в боксерском поединке? Нет. Последнее — это только игра, а у героев «Поднятой целины» полноценный культурный диалог на жизненно важную тему. И историческая реальность подобного процесса диалога подтверждает сам факт понимания позиций сторон. Философская герменевтика способна интерпретировать аргументы, связанные с насилием, ибо, как писал еще Константин Леонтьев: «Насилие не только побеждает. Оно еще и убеждает многих!»

Это значит, что ни насилие, ни даже война не отменяют возможности ведения диалога культур, влияя лишь на его формы. Например, эпоха Возрожде-

ния явила нам ситуацию, при которой деятели Реформации и Контрреформации были воспитаны в рамках одной и той же гуманистической, по сути, культуры. Как указал в свое время А. Х. Горфункель: «Утратив свое идеологическое значение, гуманизм превращался в технику, в отрасль гуманитарного знания. У реформаторов он становился орудием религиозной полемики, у воинствующих католиков он из первой формы буржуазного просвещения постепенно превратился в ученое иезуитство»⁴.

Сказанное выше лишь подтверждает тот факт, что сам по себе культурный диалог способен оказываться излишне толерантным по отношению к нравственным вызовам эпохи. Кажется, что в чем-то подобном упрекал Ульрих фон Гуттен Эразма Роттердамского, наиболее выдающегося светоча той далекой от нас культуры Возрождения.

Но еще хуже в рамках диалога культур может обстоять дело с социальной ответственностью, с тем, что Николай Бердяев в «Русской идее» называет проблемой «оправдания культуры»⁵. Существенна ли для межкультурного диалога социальная доминанта? Тема культуры в традиции русских народников — это разговор о долге слоя, воспользовавшегося культурой, перед простым народом. Наибольшей силы тема покаяния культурного человека перед народом достигает, конечно, у Л. Толстого. А для западного интеллектуала здесь не было никакой проблемы, ибо культура ценна сама по себе, а не потому что она может что-то дать бедным, голодным или обездоленным. Но Вторая мировая война выявила нравственную неправоту европоцентристской идеи культурной самодостаточности, поставив вопрос об ответственности классической немецкой культуры за Освенцим, Бухенвальд и все остальное.

Нацизм явил собой тот предел, за которым всякий культурный диалог невозможен. Как говорил Э. Хемингуэй на II съезде американских писателей, «есть только одна система, которая не может дать хороших писателей. И система эта — фашизм. Потому что фашизм — это ложь, изрекаемая бандитами!» Однако это крайность, лишь подтверждающая своим наличием широту пределов, в рамках которых может иметь место диалог культур.

¹ «Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на погибель <...>» (ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 59. (Письмо к К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 г.).

² Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук.

³ Шолохов М. А. Собрание сочинений. Т. 7. М., 1960. С. 169.

⁴ Горфункель А. Х. Гуманизм—Реформация—Контрреформация // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 13.

⁵ Бердяев Н. Самопознание. М., 2006. С. 135.

Иное дело — его плодотворность. Многие отмечают, что современная Россия впервые со времен появления посланий инокa Филофея утратила свое мессианское начало (присутствовавшее, согласно тому же Н. Бердяеву, как в идее Третьего Рима, так и в идее Третьего Интернационала). Сегодня мы мало что можем сказать окружающему миру, ибо неспособны еще разобраться в самих себе. Мы можем выступать скорее в качестве переводчика или ретранслятора в диалоге Восток—Запад, но при этом наша интерпретация европейских ценностей в глазах того же Запада очень недозападная, а в глазах Востока — слишком перезападная! Сказанное служит лишним

подтверждением мысли Н. Гумилева о том, что общечеловеческие ценности возможны лишь в отрицательном смысле («не убий», «не укради»), а позитивные ценности у всех этносов разные. Совпадать они могут, только если человечество сольется в единый суперэтнос, но не как ценности этого суперэтноса, а скорее как ценности победившего всех этноса Соединенных Штатов Америки. Но по этому поводу уже сейчас можно констатировать, что Ф. Фукуяма своей концепцией выдал желаемое за действительное. Нас ожидает мультиполярный мир и бесконечно идущий в его времени и пространстве диалог культур.